

та гуманитарного образования ежегодно проводится Региональная научная конференция «Урал индустриальный», которая с 1999-го г. носит название «Бакунинские чтения».

Мне хотелось бы от всей нашей семьи поблагодарить организаторов настоящей конференции за сохранение и развитие научного направления, начатого когда-то Александром Васильевичем Бакуниным, и пожелать новых творческих успехов молодым историкам.

*Д.В. Гаврилов
(Екатеринбург)*

ДИССИДЕНТСКАЯ «ТЕОРИЯ МНОГООУКЛАДНОСТИ»: ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ

В современной историографии в качестве основной методологической парадигмы все большее признание получает теория модернизации, которая является наиболее надежным инструментом для более глубокого понимания исторического процесса, происходящих в обществе экономических и социально-политических сдвигов. Применительно к России и ее регионам, теория модернизации глубоко и обстоятельно обоснована академиком РАН В.В. Алексеевым и историками его школы, раскрывшими механизмы влияния модернизации на процессы социально-экономических и политических перемен в странах в XVIII–XX вв., на их темпы, характер, качество и масштабы. Ими убедительно доказано, что в советский период, а также и в предшествующее ему время, Россия не отклонялась от «нормального» исторического пути, не свернула куда-то в сторону с прямой и ровной дороги мировой цивилизации, а развивалась в русле мирового модернизационного процесса, в советский период достигла крупных успехов в развитии промышленности, индустриализации страны, в области научно-технического и культурного прогресса, успешно решила многие основные задачи индустриальной фазы модернизации.

Модернизация — общемировой, глобальный процесс перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, второй, после перехода к производящему хозяйству, крупнейший поворот в жизни человечества — включает своими атрибутами длительное, постепенное, растянутое по времени, многоступенчатое, комплексное, прогрессивное, неизбежное и фатально неотвратимое развитие всех современных стран в определенном направлении — к переходу на стадию современных, модернизованных сообществ. Модернизация, начавшись в Западной Европе в XV–XVI вв., затем захватывала одну за другой, без единого исключения, все «периферийные» страны, интегрируя их в общемировой модернизационный поток. Ее успех обеспечивали диффузия современных инноваций в области технологий, культурных и научных достижений и форм социально-политического устройства, а также эндогенные и спонтанные процессы внутри самих «периферийных» сообществ.

Попытки историков и политиков «исключить» какую-нибудь современную страну, тесно связанную экономическими, научно-культурными и прочими мирохозяйственными связями с остальными странами мира, или даже часть ее, какой-нибудь регион, из всеобщего, глобального, общеисторического модернизационного процесса, руководствуясь политическими расчетами или пристрастиями, схоластическими социологическими схемами и т.п., привнесенными извне, абстрактными, не связанными с конкретно-исторической действительностью представлениями — являются явно не научными, теоретически несостоятельными, не подтверждаются исторической практикой, а в научно-исследовательском плане оказываются абсолютно бесперспективными.

В связи с выявившейся полной научной несостоятельностью подобных подходов, следует вспомнить так называемую «теорию многоукладности», усиленно пропагандировавшуюся в конце 1960 — начале 1970-х гг. историками так называемого «нового направления», исключавшими огромный регион России — Горнозаводский Урал — из общемирового модернизационного процесса, выдвинувших положение о существовании на Урале в начале XX в. некоего мифического «крепостнического уклада», прочно «законсервированного», «почти наглухо» закрывавшего в регион «дорогу новым капиталам», который якобы воплотился в окружающей системе горнозаводских хозяйств и являлся «оригинальным остатком крепостной эпохи». По их мнению, не только отмена крепостного права в 1861 г., переход на вольнонаемный труд, но и развернувшаяся в начале XX в. «финансовая реорганизация», акционирование, синдицирование и др. формы новейшего капитализма того времени, не смогли изменить экономический уклад горнозаводских округов, сохранили в неизменном виде окружающую систему, которая в начале XX в. обуславливала «социально-экономическую и техническую отсталость Урала»².

«Теория многоукладности», выдвинутая историками «нового направления», не может именоваться теорией лишь условно, поскольку за нее обычно принимается ряд разрозненных, не связанных друг с другом, расплывчатых и противоречивых положений, высказанных в разное время отдельными историками по разным поводам, не представляет собой четко сформулированной, законченной системы взглядов, ясно изложенной, цельной и определенной научной концепции, т.е. атрибутов, которые позволили бы считать ее действительно научной теорией. Весьма симптоматично, что хотя с выходом «теории многоукладности» на сцену прошло более трех десятилетий, до сих пор никто из ее сторонников и последователей не попытался дать ей четкое определение, связно изложить ее содержание.

До сих пор нет ясности в том, кого из историков (за исключением нескольких фамилий) следует с достаточным для этого основанием считать историками «нового направления», поскольку многие историки, которых за какое-нибудь высказывание причисляют к этому направлению, в целом не разделяли его взглядов. Яркий пример тому П.В. Волобуев, произвольно провозглашенный главой «нового направления», но никогда не бывший им и никогда не разделявший основных выводов идеологов «нового направления».

Неясно также, почему эта расплывчатая, аморфная сумма противоречивых положений была названа «теорией многоукладности», т.к. термин многоукладность не был изобретением историков «нового направления», уже давно существовал в дореволюционной и советской историографии, его многократно употреблял в своих работах досоветского периода и первых лет советской власти В.И. Ленин, он широко использовался советскими историками и даже фигурировал в школьных учебниках. Да и в самом «новом направлении» нового было очень мало, все их построения строились, как правило, на своеобразном истолковании цитат классиков марксизма-ленинизма и уже известных исторических фактов.

Е.Б. Заболотный и В.Д. Камынин, проанализировав творческое «наследство» историков «нового направления», пришли к заключению, что «с точки зрения историографии термин «новое направление» достаточно искусственный, ибо его распространяют на очень широкую группу исследователей, творчество которых, наряду с общими чертами, имеет и много особенностей. Трудно определить и персональный состав историков «нового направления»... Их труды очень трудно подвести под какой-то единый знаменатель; отличаются выводы, к которым пришли авторы»³.

Сущность «теории многоукладности», как ее понимали ведущие идеологи «нового направления» — И.Ф. Гиндин и К.Н. Тарновский, — состояла вовсе не в том, что экономика России признавалась многоукладной (это было аксиомой для советской историографии, в т.ч. так называемой официальной), а в утверждении, что в пореформенной России капитализм был не систематизирующим, а лишь одним из укладов в многоукладной экономике страны, и, следовательно, Россия еще не была капиталистической страной, тогда как официальная советская историография, вслед за В.И. Лениным, считала ее капиталистической страной со средним уровнем развития капитализма⁴. Сторонники «многоукладности» рассматривали российскую экономику как механическую совокупность социально-экономических укладов, причем, по их мнению, «чисто капиталистический уклад пронизывался остаточными явлениями»⁵. Из этих чисто теоретических, бездоказательных утверждений, схоластических постулатов, неизбежно должен был делаться вывод об отсутствии в стране объективных предпосылок для социалистической революции, о неготовности страны к социалистическим преобразованиям в экономике и социально-политическом строе.

За этими схоластическими построениями выступал в более или менее замаскированном виде намек на неготовность страны к социалистической революции, содержался скрытый подкуп (в этом и заключалась вся соль, гвоздь «теории многоукладности») под официальную теорию социалистической революции в России в 1917 г. Можно с полной уверенностью сказать, что «теория многоукладности» была поднята на щит в 1960-х гг. диссидентами и примкнувшими к ним диссидентствующими историками не за свои выдающиеся научные достоинства (она их, увы, не имела), а в качестве противовеса официальной авторитарной теории социалистической революции, считавшейся в советской исторической науке непоколебимой, в качестве средства расширения советской идеологии.

Теория социалистической революции, господствовавшая в советской исторической науке в 1950–1980-х гг., рассматривала начало XX в. как период, предшествовавший Октябрьской ре-

волюции 1917 г., как канун социалистической революции, когда назревали экономические и социально-политические предпосылки социалистической революции, доказывавшие неизбежность, необходимость и закономерность социалистической революции в России⁶. Правда, В.И. Ленин и советская историография признавали, что социалистическая революция в России произошла в экономически относительно слабо развитой стране, которой не хватало культуры, что страна не была готова в полной мере к социалистическим преобразованиям, но считали имевшиеся предпосылки достаточными для начала осуществления таких преобразований. Поскольку в России в октябре 1917 г. уже произошла социалистическая революция, возглавляемая партией, руководствовавшейся социалистической теорией и приступившей к строительству в стране социалистического общества, социалистическая революция уже была совершившимся фактом, то дискуссии, начатые историками «нового направления», носили чисто догматический и схоластический характер.

«Новое направление» на начальном этапе своего развития в значительной мере было реакцией на неуклюжие и необоснованные идеологические обвинения, выдвинутые против бывшего тогда директором Института истории СССР АН СССР (г. Москва) П.В. Волобуева и существовавшей при институте Группы по изучению истории пролетариата России, которым инкриминировалось неверное понимание гегемонии пролетариата в революции 1917 г.

«Новое направление» поддержала группа уральских историков во главе с зав. кафедрой истории СССР Уральского гос. университета (г. Свердловск, ныне — г. Екатеринбург), кандидатом исторических наук В.В. Адамовым, в которую, кроме него самого, входили его аспиранты Ю.А. Буранов, Т.К. Гуськова и Л.В. Ольховая. По мнению В.В. Адамова, в горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период существовал некий «крепостнический уклад», который не вытеснялся капитализмом, а, наоборот, упрочивался, консервировался, заставляя новейший финансовый капитал приспосабливаться к крепостническому строю горнозаводских округов. По утверждению В.В. Адамова, окружная система — по его определению «специфическая, оригинальная форма» организации «крепостнического уклада» — препятствовала притоку в уральскую промышленность инвестиционного капитала, притоку большого количества капиталовложений, поэтому в 1911–1913 гг. на обновление производственных фондов в уральской горнозаводской промышленности была затрачена лишь мизерная сумма в 15 млн руб.⁷ Делался ни на чем не основанный абсурдный вывод, что положение уральских рабочих следует сравнивать «не с положением пролетариата центра России, а с положением сельскохозяйственных рабочих»⁸.

Одним из главных доказательств в пользу своих взглядов было обильное цитирование В.В. Адамовым классиков марксизма-ленинизма и своеобразное истолкование этих цитат. Так, в статье «Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала», опубликованной в сборнике «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности» (Свердловск, 1972), В.В. Адамов в тексте статьи и в примечаниях сослался на труды и высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса — 5 раз, на труды и высказывания В.И. Ленина — 75 раз, т.е. в статье объемом в 2 п.л. (32 стр. текста) классики марксизма-ленинизма упоминаются им 80 раз — в среднем по 2,5 упоминания на каждую страницу.

Причем В.В. Адамов, не только обильно цитировал работы В.И. Ленина, обосновывал ленинскими цитатами «теорию многоукладности», придуманный им «крепостной уклад», свое понимание «оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности, но и считал их методологической основой своих теоретических построений, концептуальной базой, которой должны руководствоваться все исследователи социально-экономических проблем. Труды В.И. Ленина, писал В.В. Адамов в этой же статье, дают «возможность определить те исходные принципы, которыми следует руководствоваться, на наш взгляд, не только при подходе к проблеме оригинального строя, но и более широкому кругу сюжетов, относящихся к социально-экономической истории Урала и страны»⁹.

Парадоксально, что при таких клятвенных заверениях в верности ленинской методологии, при таком обилии цитат на В.И. Ленина, приводимых В.В. Адамовым в обоснование его понимания «многоукладности» было построено почти всецело на ленинских цитатах, некоторые современные историографы — А.И. Прищепа и др., считают, что позиция В.В. Адамова о «многоукладности» якобы «была откровенно антиленинской»¹⁰. Это — ничем не обоснованный вывод, он является абсолютно произвольным и непропорциональным.

С утверждениями А.И. Прищепы и др. авторов, придерживающихся мнения о «антиленинской позиции» В.В. Адамова, явно не вяжется также другой общеизвестный факт — В.В. Адамов активно участвовал в подготовке двух сборников документов и материалов «Ленин об Урале» (Свердловск, 1969; 2-е изд. — 1985). Взгляды В.В. Адамова на социально-экономическое развитие страны в некоторых, причем весьма существенных вопросах, расходились с выводами главных теоретиков «нового направления». Так, он не отрицал наличие в стране предпосылок социалистической революции, считал ее исторически закономерной.

В разделе «Февральская революция на Урале», подготовленном для книги «История Урала в период капитализма» (вышла в свет в 1990 г.), В.В. Адамов писал, что «в последние месяцы 1916 — начале 1917 г. Россия жила в непосредственном преддверии революции, ее ожидании», заявил о «чрезвычайной глубине и широте революционного кризиса, который поразил всю социально-экономическую и политическую структуру самодержавной России», считал, что «Февральская революция на Урале, как и по всей стране, стала этапом и отправным пунктом на пути к революции социалистической»¹¹.

Ранее, в 1967 г., в работе, посвященной Февральской революции на Урале, В.В. Адамов писал: «Революционный взрыв становился неизбежным. Признаки его как бы носились в воздухе.... Все предпосылки революции к началу 1917 года созрели.... Свержение самодержавия и завоевание политической свободы оказалось не концом революции, а отправным пунктом ее нового этапа, завершением которого была победа трудящихся России в октябре 1917 года.... Боевыми организаторами и вдохновителями трудящихся масс Урала выступали большевики»¹². В 1958 г. В.В. Адамовым была издана брошюра «Социально-экономический и политический кризис в России накануне Первой мировой империалистической войны», в которой анализировался «глубокий общенациональный экономический и политический кризис», переживаемый Россией, и делался вывод, что «весь ход исторического развития России объективно привел к такому положению, при котором только пролетариат и только революционными средствами мог вынести страну из тупика, в какой загнали ее господствующие классы»¹³.

Из приведенных высказываний В.В. Адамова, сделанных в разные годы, видно, что в течение всего творческого пути он не отрицал наличие в стране предпосылок для социалистической революции и ее необходимость и закономерность. Утверждения Б.Б. Овчинниковой и Л.В. Ольховой, что «выводы В.В. Адамова об отсутствии на Урале условий для социалистической революции... повлекли за собой определенное «гонение» на автора»¹⁴ и заявления А.И. Прищепы, что «в группе историков «нового направления» В.В. Адамов занимал, пожалуй, наиболее радикальную научную позицию»¹⁵ (у историков «нового направления» высказывание об отсутствии в стране условий для социалистической революции считалось верхом радикализма, а В.В. Адамов как раз не поддерживал этот важнейший их тезис) — не соответствуют действительности.

Выводы историков «нового направления», построенные на схоластических социологических схемах, игнорировании очевидных фактов и весьма ограниченных, скудных фактических данных, не получили признания среди большинства историков. Авторы «теории многоукладности» явно преувеличивали вес и значение докапиталистических укладов, хотя в работах многих видных историков уже тогда было достаточно убедительно доказано вытеснение в пореформенный период, в том числе и на Урале, отмиравших элементов крепостничества развивавшимся капитализмом. Среди этих работ в первую очередь можно назвать труды А.Л. Сидорова, П.Г. Рындинского, В.И. Бovyкина, М.П. Вяткина, уральских историков С.П. Сигова, Ф.С. Горового, Ф.П. Быстрых, В.Я. Кривоногова и др.¹⁶ Весьма примечательно, что сборник статей, в котором сторонники «нового направления» изложили свои взгляды, был озаглавлен ими «Вопросы истории капиталистической России», т.е. Россия, вопреки их собственным утверждениям, признавалась капиталистической страной, страной — в которой капиталистический уклад был главным, преобладающим и систематизирующим.

Уже на Всесоюзной научной конференции «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», состоявшейся в г. Свердловске в мае 1969 г., в обстановке славословия в честь нового, «творческого» подхода к пониманию исторических проблем, холодным душем явилось выступление известного московского историка В.И. Бovyкина, который высказал сомнения в шлодотворности концепции «многоукладности» и заявил о ее научном бесплодии¹⁷. На конференции с возражениями против трак-

товки В.В. Адамовым понятий об оригинальном строе промышленности Урала и отнесения горнозаводского хозяйства Урала начала XX в. к крепостническому укладу, его толкования процесса формирования уральского пролетариата выступили видные уральские историки — Ф.П. Быстрых, В.Я. Кривоногов, П.И. Хитров, а также автор этой статьи и др.¹⁴

Выдвинутая сторонниками «нового направления» лоскутная теория «многоукладности» потребовала тщательного изучения, глубокого обсуждения на творческих дискуссиях, а ее основные тезисы — обстоятельной проверки на конкретно-историческом материале их соответствия объективной действительности, но этого не произошло. Чтобы обеспечить за собой монополию в «правильном понимании проблемы», организаторы конференции в опубликованном сборнике материалов конференции «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности» (Отв. редактор В.В. Адамов. Свердловск, 1972) поместили только доклады и сообщения сторонников «нового направления» или нейтрально относившихся к нему авторов, в статьях которых термин «многоукладность» не упоминался.

Ни одного выступления с критическими замечаниями в адрес «нового направления» (а их, как видно из вышеизложенного, было немало) в сборник не попало. Конечно, сторонники «нового направления» имели полное право на изложение своих взглядов в особом печатном труде, но материалы научной конференции, на которой обсуждалось много спорных вопросов, связанных с «многоукладностью», изданные в таком виде, означали, что организаторы конференции безапелляционно отвергали дискуссионность выдвинутых «новым направлением» проблем, отключали необходимость их дискуссионного обсуждения возводили «теорию многоукладности» в ранг абсолютной истины в последней инстанции. В предисловии к сборнику «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности», написанном В.В. Адамовым, одобрялись историки «нового направления» и «теория многоукладности».

Из научной среды дискуссия была вынесена на суд «общественности». Несогласные с основными положениями и выводами сборника уральские историки Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногов опубликовали в областной газете «Уральский рабочий» (г. Свердловск) статью «За строгую научность и историческую правду», в которой подвергли критике «теорию многоукладности» и обвинили В.В. Адамова в отходе от марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях (что было явным преувеличением) и неправильном понимании им социально-экономической структуры уральской горнозаводской промышленности и процесса формирования горнозаводского пролетариата (на что у них имелись достаточные основания)²⁰.

На заседании Парткома Уральского университета, состоявшемся в мае 1973 г., В.В. Адамов признал ошибочность своей точки зрения о крепостническом укладе и формировании уральского пролетариата²¹. Тем не менее, поскольку в 1974 г. заканчивался срок его пребывания на посту зав. кафедрой, он не был рекомендован к переизбранию на этот пост на новый срок и остался работать на этой кафедре в должности доцента. В это же время членкорреспондент АН СССР П.В. Волобуев был освобожден от должности директора института истории СССР АН СССР (за свое «инакомыслие» и идеологические «кошбики», допущенные в книге «Пролетариат и буржуазия России в 1917 г.», опубликованной еще девять лет назад — в 1964 г.) и переведен (по терминологии историографа А.И. Прищепы «сослан») на должность научного сотрудника в другой академический московский институт — в Институт истории естествознания и техники АН СССР.

На этом «вся мощь пропагандистского аппарата ЦК КПСС», направленная на разгром «новонаправленцев» (терминология А.И. Прищепы)²² почему-то, по непонятной причине, внезапно иссякла. Пострадавшими за идеологическое «инакомыслие» — и то, надо признать, не очень сильно, — фактически оказались лишь два крайних деятеля «нового направления» — первый и самый последний: П.В. Волобуев, считавшийся «главой» «нового направления» (в действительности таковым он никогда не был) и В.В. Адамов, ответственный редактор и автор предисловия к «оппозиционному сборнику» — кандидат наук, зав. кафедрой провинциального университета.

После такого «административного разгрома» (термин современных историографов) все историки, в том числе большая группа московских историков, еще недавно во всеуслышание гордо объявлявшие себя сторонниками «подлинно творческого» «нового направления», дружно откестрились от него, внезапно исчезли с публичной сцены, растворились в общей безликой мас-

се, а само «новое направление» на полтора десятилетия исчезло с исторической арены, вдруг испарилось, как утренний туман.

О нем вспомнили снова во второй половине 1980-х гг., в период «перестройки», «гласности» и провозглашенного «приоритета общечеловеческих ценностей». Историки «нового направления» были объявлены пострадавшими от «политических репрессий», жертвами «административной расправы», заявлялось, что «почти все «новонаправленцы» были практически отлучены от науки», раздались требования их «реабилитации». Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», который возглавил П.В. Волобуев, 22–23 октября 1988 г. проведен «круглый стол» историков Октября «Россия 1917 год: выбор исторического пути», на котором представлен очень широкий круг историков страны. При обсуждении темы были высказаны самые разнообразные мнения, участники дискуссии жаловались на «застой в исторической науке и потерю научного престижа историков», но сами к какому-нибудь согласию не пришли. В 1988–1989 гг. были предприняты энергичные попытки возродить «новое направление», но все они оказались тщетными, безуспешными и безрезультатными. Сам «глава» «нового направления» П.В. Волобуев, ставший академиком АН СССР, решительно отмежевался от «нового направления».

Слова В.И. Бovyкина о научном бесплодии «нового направления», сказанные им в 1969 г. на научной конференции в г. Свердловске, оказались пророческими. Уральские историографы Е.Б. Заболотный и В.Д. Камынин, проследив судьбу историков и идей «нового направления», заявили об их неустойчивости в современный период развития исторической науки, несмотря на восстановление «добраго имени» деятелей этого направления. Более того, произошла переоценка ценностей и те, кого прежде причисляли к диссидентам, «оказались в числе защитников социализма».

Диссидентское «новое направление» в исторической науке 1960 — начала 1970-х гг., по-видимому, выполнило свою задачу, расшатывая советскую идеологию, неся смутнение и раскол в ряды советских историков, в чем его безусловная заслуга, но выдвинутая им «теория многоукладности» как научная доктрина не нашла поддержки среди большинства историков, и не из-за своего «идеологического инакомыслия», а из-за ее догматизма, начетничества и научной неполноценности — скудности, разрозненности и противоречивости ее основных положений, ее искусственности, оторванности от конкретно-исторической действительности.

Сейчас, спустя тридцать лет, в совершенно другой социально-политической и идеологической обстановке, при другом общественно-политическом строе, когда интересовавшие историков 1960 — начала 1970-х гг. Вопросы о социально-экономических предпосылках революции 1917 г. отошли далеко в сторону, стали уже только чисто риторическими, потеряли политическую остроту и значение, настало время непредвзято посмотреть на научные основы «нового направления» и его «уральской школы», «теории многоукладности», выяснить их научную значимость, исследовать проблемы социально-экономического развития России и Урала начала XX в., исходя из конкретно-исторического материала, а не схоластических схем, навязываемых «новым направлением».

В конце XIX — начале XX вв. уральская горнозаводская промышленность переживала этап модернизационного взлета. В период экономического подъема 90-х гг. XIX в. выплавка чугуна в регионе увеличилась в 1,8 раза, производство стали возросло в 7,2 раза, меди — в 1,5 раза, добыча каменного угля — в 1,5 раза. В 90-е гг. было построено 10 новых металлургических заводов, в т.ч. такие крупные, как Надеждинский, Аша-Балашевский и др. ряд крупных заводов — Лысьвенский, Нижнесалдинский, Нижнетагильский, Алапаевский, Белорецкий и др., были подвергнуты технической реконструкции. Вновь построенные или основательно реконструированные заводы и цеха оснащались современной по тому времени техникой²⁴.

Надеждинский завод Половцевых, построенный в 1894–1896 гг. на Северном Урале, в Богословском округе, сразу имел 4 доменные печи и 4 мартеновские, при домнах находились мощные воздуходувные машины и 4 аппарата Каупера, в прокатном цехе установлен стан-блуминг, приводимый в действие риверсивной паровой машиной мощностью в 1800 л.с. и чистойвой стан трио-750, приводимый в действие паровой машиной в 900 л.с. Все оборудование завода было изготовлено фирмами Германии, Франции, Бельгии²⁵.

В Лысьвенском заводе графа П.П. Шувалова в 1898–1899 гг. был построен мартеновский цех, в котором все механизмы — ковши для разливки стали, краны-бегуны, подъемники и т.п. —

приводились в движение электромоторами. Мартеновский цех Лысьвенского завода был первым в России мартеновским цехом, полностью оборудованным одними электромоторами²⁶. В рельсо-прокатном цехе Нижнесалдинского завода Нижнетагильского округа Демидовых, построенном в 1897–1899 гг. под руководством З.Е. Грум-Гржимайло, был установлен мощный прокатный стан, приводившийся в действие купленной в Германии испанской раверсивной паровой машины мощностью в 6000 л.с. с самым большим в мире конденсатором Кертинга, расходовавшим в час 1 млн литров напорной воды²⁷.

Пермский пушечный (Мотовилихинский) завод по своему техническому оснащению, поставленному в основном фирмами западноевропейских стран (Бельгии и др.) и США, не уступал лучшим артиллерийским заводам Западной Европы. В 1896–1899 гг. он был подвергнут новой основательной реконструкции: было обновлено металлургическое производство, возведен новый сталелитейный цех с четырьмя мартеновскими печами, большой прессовый цех, в котором установлены закупленные в Германии высокопроизводительные прессы Эргарата, имевшиеся в то время только на немногих заводах Западной Европы, что позволило заводу одним из первых в мире организовать массовое производство корпусов снарядов на гидравлических штампочных установках; в цехах поставлены электрические мостовые краны, все металлообрабатывающие станки переведены на электрический привод.

На заводе впервые в мире были введены электросварка железных листов корпусов строившихся пароходов и электрическая отливка металлов по методу Н.Г. Славянова. Завод был одним из немногих в стране, поковочное оборудование которого позволяло изготавливать крупногабаритные части машин и механизмов весом в 1000 и более пудов — гребные, коленчатые и прямые валы, шатуны и др. громоздкие детали для броненосцев и крейсеров военно-морского флота. Кроме своей основной продукции — артиллерийских орудий и снарядов — завод выпускал речные суда.

Воткинский казенный завод изготавливал паровозы, речные суда, сельскохозяйственные машины, металлические конструкции для железнодорожных мостов, железнодорожные скрепления²⁸. Ижевский оружейный завод был одним из самых крупных и технически наиболее хорошо оснащенных оружейных заводов России, к началу XX в. он обладал парком машин и станков численностью более 3 тыс. единиц, многие из которых были изготовлены фирмами Западной Европы и США. Завод был одним из основных производителей стрелкового оружия в стране и поставщиком высококачественной стали и ружейных стволов для других оружейных заводов — Тульского и Сестрорецкого²⁹.

К началу XX в. на Урале сложилась группа крупных, технически хорошо оснащенных заводов, которые по своему оборудованию не уступали заводам Юга России, а в ряде случаев — и заводам Западной Европы. К тому времени регион был прорезан тремя широтными и одной меридиональной железнодорожными магистралями, соединен с общероссийской железнодорожной сетью, чем была ликвидирована былая обособленность и оторванность Урала от центра страны. В начале XX в., несмотря на жестокий экономический кризис 1900–1903 гг. и последующую затяжную промышленную депрессию, модернизационный процесс в регионе не только продолжался, но и принял ускоренный и всеохватывающий характер.

Экономический кризис и промышленная депрессия привели к закрытию многих мелких, технически отсталых, с изношенным оборудованием, нерентабельных и малорентабельных заводов. В 1900 г. на Урале действовало 111 чугуноплавильных и железоделательных заводов, к 1913 г. их осталось только 81, т.е. за 13 лет были закрыты или остановлены и не действовали 35 заводов, или 31,5%, т.е. почти 1/3 их общего числа³⁰. Под влиянием экономического кризиса и промышленной депрессии и усилившейся конкуренции на рынках металлов, все горнозаводские округа вынуждены были взяться за хозяйственно-финансовую реорганизацию своих хозяйств. Выстоявшие в годы экономического кризиса и депрессии заводы срочно переоборудовали свое техническое оснащение, спешно приспособлявая его к изменившейся рыночной конкурентной ситуации новым условиям рынка, вооружались более мощной и совершенной техникой нового поколения.

Доменные печи старой конструкции — толстостенные, с горном с «открытой грудью» и открытым колошником, холодным дутьем, повсюду заменялись домами усовершенствованных конструкций, с тонкими стенками или совсем без наружного кожуха, с закрытым колошником и горном с «закрытой грудью» большей высоты, полезным объемом в 100–150 и более куб. м,

снабженные мощными воздуходувками и воздухоподогревательными аппаратами каупера, механическими или электрическими колошниковыми подъемниками. В Алапаевском заводе в 1912 г. была пущена доменная печь объемом в 239 куб.м. Средняя выплавка чугуна на одну дому с 259 тыс. пуд в 1890 г. возросла до 363 тыс. в 1900 г., 507 тыс. в 1910 г. и 780 тыс. пуд в 1916 г. т.е. увеличилась за этот период в 3 раза³¹.

Устаревшие неэкономичные способы передела чугуна — кричный и пудлинговый — были полностью вытеснены прогрессивными, более совершенными и производительными — мартеновскими и бессемеровскими. Число мартеновских печей с 12 в 1890 г. увеличилось до 42 в 1900 г. и 58 в 1910; г., причем вместо печей в 8–12 т, строившихся в 80–90-х гг., в начале XX в. устанавливаются мартеновские печи в 30–35 т., а в 1910-х гг. стали строиться печи емкостью в 50 т. Из всего выплавленного на Урале металла в 1890 г. на долю пудлингового железа пришлось 70,2%, кричного железа — 16,9%, литой стали (мартеновской и бессемеровской) — 12,9%. В 1910 г. доля литого металла (стали) составила 93,9%, пудлингового железа — 5,9%, кричного железа — только 0,2%³². Замена сварочного железа (кричного и пудлингового) литым металлом (мартеновской и бессемеровской сталью), свидетельствовала о глубоких качественных изменениях в уральской металлургии.

В прокатных цехах устаревшие маломощные прокатные станы (чаще всего — «домашнего приготовления»), с малой скоростью вращения валков, вследствие чего прокатываемую болванку приходилось нагревать по несколько раз, заменялись прокатными станами новейших систем. Если прежние прокатные станы приводились в движение, чаще всего, водяными колесами мощностью в 10–15 л.с., водяными турбинами в 30–40 л.с., паровыми машинами в 30–40 л.с., редко — в 100 л.с., то к новым прокатным станам ставились мощные паровые машины в 500–600 и более л.с. (германской фирмы «Клейн», системы Компаунд и т.п.), мощные водяные турбины в 150–200 и более л.с. (системы Френсиса, «Геркулес-прогресс» и др.).

В Тирляном заводе Белорецкого округа установленные в начале XX в. листопркатные станы приводились в действие электромоторами мощностью в 950 и 500 л.с., питаемыми турбогенератором системы «Дженерал-электрик» мощностью в 1700 кВт. Мощный суточный стан с паровой машиной в 1200 л.с., установленный в Алапаевском заводе в 1910 г. безотказно проработал вплоть до наших дней — до ликвидации на заводе прокатного производства в 1986 г. В Надеждинском заводе в 1912 г. был установлен рельсопрокатный стан «дуо»-850, приводимый в действие паровой машиной в 10 тыс. л.с. — самым мощным двигателем, существовавшим в то время в российской промышленности³³. В продукции уральских металлургических заводов резко возрос удельный вес готового железа, особенно трудоемких, более ценных сортов взамен ранее производившегося полосового железа. Если в конце XIX в. из общего количества выплавленного чугуна производилось готового железа от 40–50 до 67%, то в 1908 г. на посессионных и частных заводских заводах его доля составляла уже 86–87%³⁴.

Важные сдвиги произошли в энергетическом хозяйстве заводов. Архаичные водяные колеса, «краса и гордость» старых уральских заводов, повсеместно демонтировались и заменялись более производительными двигателями. С конца XIX в. все в больших масштабах для производственных целей стала применяться электрическая энергия, в начале XX в. появились двигатели внутреннего сгорания. Удельный вес водяных двигателей в общей мощности энергетического хозяйства уральских заводов составлял в 1890 г. 66,6%, в 1900 г. — 50,2, в 1910 г. — 32,4, в 1916 г. — только 4,9%. За период с 1890 до 1916 г. общая мощность всех двигателей горнозаводской промышленности Урала увеличилась в 3,9 раза. Резко изменилась структура энергетического хозяйства: в 1916 г. из общей мощности всех двигателей металлургического комплекса Урала на долю паровых двигателей приходилось 67,3%, электродвигателей — 22,3, внутреннего сгорания — 5,5, водяных двигателей — 4,9%³⁵.

По последнему слову техники были оснащены предприятия медеплавильной промышленности, на Богословском заводе в 90-х гг. была построена фабрика бессемерования купферштейна, введено рафинирование черновой меди путем электролиза. Английской компанией «Кыштым корпарэйшен», владевшей Кыштымским горным округом, в 1908 г. был пущен в нижнем Кыштыме медноэлектролитный завод, в Верхнем Кыштыме построена «гигантская» регенеративная печь Сименса. В 1910 г. в Карабаше ею был пущен медеплавильный завод, оснащенный тремя «огромными» ватержакетами, проплававшими в сутки по 25–30 тыс. пуд руды, и

считавшимися тогда самыми большими в мире, двумя «громадными» 40-тонными конвертерами, мощными рафинировочными печами. «Все эти устройства, — писал инженер Н.П. Асеев, — поражают своими размерами, еще не виданными в России...»³⁶. В 1914 г. в Карабаше была пущена первая в России мощная регенеративная отражательная печь с площадью пода в 174 кв.м.

Крупные изменения произошли в самой отсталой, архаичной отрасли горнозаводского хозяйства — в заготовке древесного угля. Выжиг древесного угля вместо кучного способа стал производиться в углевыжигательных печах. В 1899 г. в них было выжжено около 1/10 всего заготовленного угля, в 1913 г. — уже 60%, что привело к резкому сокращению численности рабочих-углежогов³⁷. На рудниках и в каменноугольных копях устанавливались мощные паровые машины, электрические подъемники, насосы и лебедки, компрессоры, начали внедряться пневматическое бурение, экскаваторы, воздушно-канатные дороги, руду из забоев на крупных рудниках возили паровозами.

Крупные сдвиги в производственной и финансово-экономической сфере уральской горнозаводской промышленности произошли в период нового промышленного подъема 1910–1914 гг.: развернулась энергичная модернизация технико-экономического строя горнозаводского хозяйства, резко усилилась техническая реконструкция предприятий, велось оснащение их машинами и механизмами нового поколения, мощность и производительность которых в десятки раз превосходили образцы техники предыдущего периода. Происходила усиленная концентрация производства на крупных, технически наиболее хорошо оснащенных предприятиях и их специализация. Были построены новые, важные для развития уральской промышленности железные дороги — Пермь–Кунгур–Екатеринбург, Лысьва–Дружинино–Бердяш, Алапаевск–Богданович–Егоршино, Северо-Восточно-Уральская (Тавдинская) и др.

В Надеждинском заводе в 1909–1911 гг. ежегодно вводилось в строй по одной доменной печи, их общее число было доведено до 7, число мартеновских печей увеличено до 6. В Нижнетагильском округе, в результате его полной реорганизации, все производство было сосредоточено на трех крупных заводах — Нижнетагильском, Нижне- и Верхнесаидинских, 4 завода как нерентабельные были закрыты. В Верхисетском округе все передельные производства были сосредоточены в Верхисетском заводе, на трех заводах сохранено чугуноплавильное производство, 5 заводов округа закрыты. В имении Строгановых основные производства были сосредоточены в Добрянском заводе, два завода специализированы на выплавку чугуна, 4 завода, удаленные от железнодорожных путей и малорентабельные, были закрыты.

В Белорецком округе чугуноплавильное и сталеплавильное производства были сосредоточены в Белорецком заводе, листопркатное — в Тирлянском заводе, который был переоборудован и электрифицирован и стал одним из самых крупных и наиболее хорошо технически оснащенных листопркатных предприятий на Урале. Правительством был принят план технического перевооружения уральских казенных заводов. В переоборудовании орудийных и снарядных цехов Пермского пушечного (Мотовилихинского) завода приняли участие французские и английские фирмы «Крез», «Армстронг», «Виккерс», «Сен-Шамон».

Новый мощный модернизационный импульс уральской промышленности дала Первая мировая война. С началом войны казенные заводы были переклочены на выпуск военной продукции, с лета 1915 г. к производству оборонной продукции были привлечены частновладельческие заводы. На всех заводах было резко увеличено производство снарядной стали и сортового железа, сократился выпуск кровельного железа и рельсов. Переход к выпуску военной продукции вызвал масштабную реконструкцию предприятий — от чисто металлургического производства заводы переходили к механической обработке металла, создавая у себя производства по изготовлению артиллерийских снарядов, мин, ручных гранат, касок, щитков, котелков, фляжек, походных кухонь, шанцевого инструмента, колючей проволоки. Во всех округах развернулось большое промышленное строительство: возводились новые заводы (было построено 7 снарядных заводов), цеха, доменные и мартеновские печи, прокладывались подъездные пути и железнодорожные ветки, увеличивалась мощность энергетических установок. Военно-промышленный потенциал региона был значительно усилен за счет эвакуации на Урал в 1915–1917 гг. оборонных и механических заводов из прифронтовых районов — Прибалтики и Петрограда. Перестройка заводов на выпуск военной продукции потребовала крупных закупок станков и машин, которые приобретались на отечественных заводах и за границей — в Англии, США, Дании, Швеции и др. дружественных и нейтральных странах. Только 15 крупных уральских заводов приобрели более

7 тыс. станков и машин, на некоторых заводах в годы войны было установлено от 1 до 2 тыс. металлорежущих станков.

Таким образом, во время Первой мировой войны, в добавление к традиционной металлургической, на Урале получила большое развитие и металлообрабатывающая промышленность. В годы промышленного подъема 1910–1914 и Первой мировой войны техническое вооружение уральской горнозаводской промышленности поднялось на более высокую ступень. Основательно реконструированные заводы, оснащенные современной по тому времени техникой нового поколения, ничем или почти ничем не отличавшейся от оборудования заводов Юга России и Западной Европы, представляли собой уже предприятия нового типа, резко отличавшиеся от заводов крепостнических времен. Доменные и мартеновские печи, прокатные станы, введенные в строй в годы нового экономического подъема 1910–1914 гг. и Первой мировой войны, соответствовали тогдашнему уровню западноевропейской и американской техники. Эти металлургические агрегаты, как правило, успешно работали на уральских заводах не только до 1930-х, но часто — до 1950–1960-х гг., а некоторые из них — вплоть до наших дней, до начала 1990-х гг.

Приведенные данные свидетельствуют, что на Урале в конце XIX — начале XX вв. не было беспросветной, сплошной и повсеместной технико-экономической отсталости. Совершенно неверно изображать Урал того времени в качестве «символа технической отсталости и господства крепостничества», характеризовать его в качестве «типичного представителя крепостнического уклада», как это делали представители «нового направления» в исторической науке. Утверждения сторонников «теории многоукладности», что никакая техническая реконструкция уральских горных заводов была невозможна «в рамках окружной системы», была фатально обречена на полную неудачу из-за «неразрешимых и все более обострявшихся противоречий окружного хозяйства», представляла «нерешаемую проблему»³⁹, — не только не подтверждаются, а, наоборот, решительно и полностью опровергаются конкретными историческими материалами.

Накануне Октябрьской революции 1917 г. на Урале по-прежнему сохранялись (правда, после массового закрытия заводов в 1901–1909 гг. — уже немногочисленные) мелкие заброшенные заводы с устаревшим и изношенным оборудованием — их осталось 5–6, но они производили лишь незначительную часть продукции. Ведущее место в уральской металлургии прочно заняла группа из 15–20 передовых, крупных, технически хорошо оснащенных заводов, которые производили основную, подавляющую по своему удельному весу часть продукции металлургической промышленности региона.

В 1914 г., из действовавших на Урале 49 чугуноплавильных заводов, 16 крупных заводов, с производительностью более 1 млн пуд чугуна в год, выплавили 55% всего уральского чугуна, причем 5 из них, наиболее крупных, с производительностью более 2 млн пуд Надеждинский, Нижнесадинский, Златоустовский, Саткинская, Аша-Балашевский, выплавили его 36,1%. Выплавка стали велась на 50 заводах, но главную роль играли 13 крупных заводов с производительностью более 1 млн пуд в год, которые выплавили 68,5% всей уральской стали, 4 наиболее крупных завода этой группы с производительностью более 2 млн пуд — Надеждинский, Нижнесадинский, Чусовской, Воткинский - выплавили ее 39,8%. Прокатка рельсов производилась 5 заводами, но почти все рельсы (98,9%), были прокатаны 2 заводами — Надеждинским и Нижнесадинским.

Кровельное железо выделяли 28 заводов, из них 5 крупных, с производительностью более 1 млн пуд — Надеждинский, Верхисетский, Тирлянский, Чермоозский, Нытвенский, произвели его в 1914 г. 50,8%. Сортовое железо изготовлялось 24 заводами, большую часть его — 68,9% — выпустили 6 крупных заводов: Воткинский, Пермский пушечный, Чусовской, Миньярский, Сосьвинский и Ревдинский. Резервуарно-котельное и универсальное железо изготовлялось 12 заводами, но 67,4% его произвели два завода — Воткинский и Чусовской. Фасонно-профильное железо (балки, швеллеры и т.п.) выпускали 6 заводов, но 86,2% его изготовляли 2 завода — Нижнесадинский и Чусовской. Железнодорожные принадлежности (накладки, подкладки, костыли и т.п.) выпускались 5 заводами, но 99,9% их произвели 2 завода — Воткинский и Нижнетагильский. Из 6 заводов, выпускавших проволоку, 81,8% ее произвели 2 завода — Белорецкий и Верхнесергинский. В металлургической промышленности из 7 имевшихся заводов ведущее место занимали 2 — Нижнекамский и Богословский, выплавившие в 1914 г. 69,5% всей уральской меди⁴⁰.

В 1914 г. крупные, оснащенные современной по тому времени техникой заводы, составлявшие по своей численности 1/4 всех заводов, играли уже решающую роль в уральской металлургии, производя 2/3 и более всей металлопродукции. Самый большой и мощный, оснащенный современной техникой Надеждинский завод произвел в 1914 г. 17,6% всего уральского чугуна, 19,4% стали и железа, 67,3% рельсов, 12,8% кровельного железа, 11,9% фасонно-профильного железа, 3,6% сортового железа.

Техносфера уральской горнозаводской промышленности кануна 1917 г. коренным образом отличалась от ее технической вооруженности в 30-е гг. XIX в. В конце XIX — начале XX вв. В 1891–1917 гг., за период в четверть века, в техносфере региона произошли огромные модернизационного характера перемены, совершенно изменившие ее облик. Характеризуя «техническую отсталость» Урала в конце XIX — начале XX вв., его «крепостнический уклад», историки «нового направления» в качестве самого главного, наиболее «весомого» аргумента приводили цитаты из книги В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», где в разделе о развитии горной промышленности он писал об «отсталости техники» на Урале, его «технической отсталости».

Но не трудно заметить, что хотя книга «Развитие капитализма в России» была написана в 1896–1899 гг. (опубликована в 1899 г.), данные об уральской промышленности были взяты В.И. Лениным из обзора горнозаводской промышленности России, составленного по заданию Горного департамента А.П. Кеппеном в 1890 г. для Всемирной колумбовой выставки в Чикаго и отражавшего состояние горнозаводской промышленности в стране и на Урале в конце 80-х гг. XIX в. Следуя за А.П. Кеппеном, В.И. Ленин указал на следующие конкретные проявления технической отсталости уральской горнозаводской промышленности: «старинное устройство доменных печей с холодным или слабо нагретым дутьем», прочное сохранение «кричного способа выделки железа», слабое «применение паровых двигателей», доставку продукции заводов в центр страны «посредством примитивного «сплава» по рекам раз в год»⁴¹.

Все это имело место в 80-е гг. XIX в., но к 1917 г. ушло в далекое прошлое. Доменных печей «старинного устройства» к 1917 г. на Урале почти совсем не осталось. Действующих домен с холодным дутьем в 1910 г. значилось только 4–5,2% от общего их числа (с горячим дутьем — 73, или 94,8%), но в годы нового промышленного подъема 1910–1914 гг. и они были переведены на горячее дутье или погашены. Кричных горнов на Урале в 1890 г. было 377, в 1900 г. — 217, в 1911 г. — только 12, они сохранялись на некоторых заводах в качестве редкостной диковинки). В 1890 г. на долю паровых двигателей в общей мощности энергетического хозяйства приходилось 33,4%, в 1900 г. — 49,8, в 1910 г. — 61,9, в 1916 г. — 67,3%, а вместе с электрическими и двигателями внутреннего сгорания — 95,1%. С сооружением на Урале сети железных дорог и соединении их с общероссийской железнодорожной сетью, основная часть перевозок горнозаводских грузов перешла на железнодорожный транспорт. Традиционный весенний сплав караванов барок с железом по р. Чусовой и др. уральским рекам отошел к 1917 г. в область легенд и преданий.

О глубоких, кардинальных сдвигах в материальной базе уральской горнозаводской промышленности, произошедших в 1890–1917 гг., не могли не знать историки «нового направления», считавшие себя специалистами по истории России кануна Октябрьской революции 1917 г., но, тем не менее, они упорно, упрямо и настойчиво, догматически продолжали толковать высказывания В.И. Ленина, относящиеся к 80-м гг. XIX в., для «подтверждения» сочиненных ими самими схоластических социологических схем, для доказательства технической отсталости Урала, существования на Урале «крепостнического уклада» в начале XX в. вплоть до 1917 г.

В результате качественных сдвигов в технической базе уральской горнозаводской промышленности, произошедших в период промышленного подъема 90-х гг. XIX в. и в начале XX в., особенно в годы нового экономического подъема 1910–1914 гг. и Первой мировой войны, оснащения заводов новой и новейшей техникой, сдвигов в социальной организации, ведущие уральские заводы превратились в предприятия индустриального типа, причем некоторые из них представляли предприятия гигантских по тому времени размеров, в 1917 г. на Ижевском оружейном заводе было занято 34197 рабочих. Пермском пушечном (Мотовилихинском) — 22681, Златоустовском — 16772, Лысьвенском — 19566, Воткинском — 9947, Верхнетуринском — 7590 и т.д.. Квалифицированные рабочие этих заводов, как правило, полностью или в своем большинстве уже не имели связи с землей, были всецело заняты работой на заводах, и по своему

социальному облику мало чем отличались от рабочих-пролетариев Центральной России и Западной Европы.

В конце XIX — начале XX вв. произошли крупные изменения также в структуре и финансово-экономической организации горнозаводских хозяйств. Претерпел значительные изменения социальный состав уральских горнозаводчиков. Заводовладельцы-аристократы, владевшие заводами с XVIII в., в пореформенный период стали энергично вытесняться заводчиками нового типа — дельцами-предпринимателями, банкирами, купцами и т.п., нажившими капиталы разными путями. Горнозаводчиками стали: витебский дворянин, владлец винокуренных заводов и золотых приисков А.Ф. Поклевский-Нозелл; крупный чиновник, государственный секретарь А.А. Половцев; сын железнодорожного дельца-миллионера С.П. фон Дервиз; золотопромышленник В.А. Ратьков-Рожнов; ярославские купцы Пастуховы, пермские купцы и пароходовладельцы братья Каменские, московские купцы-текстильщики В.А. Горбунов, С.И. Щеголяев, А.Ф. Моргунов; владельцы торгового дома Э.М. Мейер, И.Е. Гиндбург и К^о; купцы Н.Д. Шамов, П.С. Кондюрин и др.⁴³

С развитием рыночных отношений шла перестройка производственной структуры уральской горнозаводской промышленности, сопровождавшаяся распадом, дроблением и слиянием горнозаводских округов, вследствие чего окружающая система претерпела значительную трансформацию. В связи с закрытием Екатеринбургского монетного двора и Екатеринбургской механической фабрики был упразднен казенный Екатеринбургский горный округ, долгое время игравший ведущую роль в уральском горнозаводском казенном хозяйстве. Распался и был ликвидирован Суксунский горный округ, распорядившись за долги по частям. Слились в одно хозяйство округа: Омутнинский и Кирсинский, Сергинский и Уфалейский, Нижнетагильский и Луньевский, Холунинский и Залазнинский, Богословский и Сосвинский, Белорецкий и Кагинский, Катав-Ивановский и Юрюзанский, Авзянопетровский и Лемезинский. Прекратили свою промышленную деятельность из-за истощения рудных месторождений и нерентабельности 14 горнозаводских округов: Кнауфский, Рождественский, Троицкий и др. Вновь построенные заводы явились основой для формирования нескольких новых горнозаводских округов — Волжско-Вишерского, Инзеровского и др.⁴⁴

Начался переход к новейшим капиталистическим формам организации производства — картелям и синдикатам. В середине 1890-х гг. два крупных производителя кровельного железа — Алапаевские и Верхисетские заводы, заключили соглашение картельного типа о размерах цен на кровельное железо на уральском рынке. В конце 1890-х гг. велись переговоры об организации синдиката для совместного сбыта железа, не приведшие тогда к какому-либо положительному результату. Экономический кризис 1900–1903 гг. и промышленная депрессия, конкуренция заводов Юга России сделали уральских заводчиков более сговорчивыми и в 1906 г. ими был создан синдикат «Кровля» — монополистическое объединение для продажи кровельного железа и жести, в которое вошли 10 уральских Горных округов из 14, производивших кровельное железо. Ряд уральских заводов вошли в общепермские синдикаты «Медь» и «Гвоздь». Два уральских округа — Богословский и Камского общества, частично, по отдельным видам продукции, вошли в синдикат «Продамет»⁴⁵. В конце XIX в. возникли «Уральское золотопромышленное общество» и «Зауральское горнопромышленное общество», сконцентрировавшие в своих руках значительную долю добычи уральского золота, и «Платинопромышленная компания», сосредоточившая у себя 3/4 добычи российской платины⁴⁶.

Ускоренными темпами шел процесс акционирования горнозаводских округов. Испытывавшие финансовые трудности заводладельцы вынуждены были создавать акционерные общества, капитал которых образовывался посредством выпуска и продажи акций. В 1890 г. на Урале были 3 акционерные компании с основным капиталом в 10,9 млн руб., в 1900 г. — уже 10 акционерных компаний с основным капиталом в 56,3 млн руб., в акционированном секторе находилось 23 завода, производившие 44% уральского чугуна, 26% железа и 60% стали. В 1913 г. акционерный сектор включал 17 горных округов из 24 действовавших на Урале (70,8% общего числа всех округов), с основным капиталом в 125,2 млн руб. К осени 1917 г. основной капитал акционированного сектора возрос до 191,5 млн руб.⁴⁷

Акционерные общества создавались при участии или содействии коммерческих банков, оказывались сразу же связанными с финансовым капиталом, отечественным и иностранным. В 1890-е гг. в финансирование уральской горнозаводской промышленности включились крупной-

шие петербургские банки. Банки, начав с кредитования акционерных обществ, переходили к их широкому финансированию, скупке их акций, а затем — к их захвату и превращению в свою собственность, становились хозяевами горнозаводских округов. Усилился приток в регион иностранного капитала. В 1893 г. возникло «Волжско-Вишерское общество» с французскими и американскими капиталами, занявшееся строительством металлургических заводов на Севере Урала, в бассейне р. Вишеры. В 1898 г. бельгийским капиталом создано «Ожно-Уральское анонимное металлургическое общество», арендовавшее у князя К.Э. Белосельского-Белозерского Катавские заводы. В 1900 г. английскими капиталистами создано «Общество Кыштымских заводов», занявшееся разработкой месторождений медных руд и выплавкой меди. Сильные позиции иностранный капитал занял в золотоплатиновой промышленности⁴⁸.

Финансовый капитал к осени 1917 г. почти полностью установил свой контроль над уральской горнозаводской промышленностью, стал решающей силой в ее развитии. Почти вся уральская горнозаводская промышленность оказалась под контролем 9 крупных ведущих петербургских коммерческих банков и нескольких крупных зарубежных (французских, английских и бельгийских). Скупив акции горнозаводских обществ, Азово-Донской банк овладел Богословским, Лысьвенским, Верхнететским и Комаровским горными округами; Русско-Азиатский банк — Сергинско-Уфалейским и Алапаевским округами; Сибирский торговый банк — округами Невьянским и Северных заводов; Петербургский Международный банк — Белорецким округом; Русский для внешней торговли банк занял сильные финансовые позиции в Нижнетагильском и Симском округах. Укрепились позиции иностранного капитала. Английский капитал стал контролировать Кыштымский и Сысертский округа и Южно-Уральское горнопромышленное общество. Камское акционерное общество давно находилось в руках французского капитала. Южно-Уральским анонимным обществом владел бельгийский капитал⁴⁹. В 1913 г. в составе основного капитала акционированных обществ иностранному капиталу принадлежало 32,5 млн руб., или 26%. Вне контроля финансового капитала в 1917 г. оставались лишь два небольшие горнозаводские акционерные общества — Инзеровское и Шайтанское, оставшиеся в руках групп старых владельцев, и четыре горнозаводских округа, не принявшие акционерную форму — Строгановский, Чермоозский, Ревдинский и Пожевской⁵⁰.

За четверть века, предшествующую 1917 г., на Урале произошло почти полное обновление состава заводовладельцев. В 1917 г. из общей суммы акционерного капитала горнозаводских обществ старые владельцы контролировали только 2%⁵¹. Из когда-то «неограниченных владык», «некоронованных королей» Горнозаводского Урала, они превратились в простых держателей акций, затерявшихся в большой толпе акционеров.

Одной из догм, пропагандировавшихся историками «нового направления», было утверждение, что в начале XX в., накануне и в годы Первой мировой войны, как писал К.Н. Гарновский, на Урале происходило «не преобразование крупным капиталом отсталых горнозаводских округов по своему образу и подобию, а взаимное приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов и этих последних — к финансовому капиталу...»⁵².

И.Ф. Гиндин писал, что накануне свержения самодержавия, т.е. вплоть до Февраля 1917 г., на Урале господствовали заводовладельцы-латифундисты, которые «даже став промышленными предпринимателями и участниками капиталистических монополий, оставались полукрепостниками в исконной сфере деятельности и сохраняли свое старое общественно-политическое обличье полукрепостников-помещиков»⁵³. В.В. Адамов тоже считал, что на Урале происходило «переплетение» финансового капитала с феодальными устоями горнозаводских округов. По мнению В.В. Адамова, в начале XX в., при «финансовой реорганизации» горнозаводских округов, произошло «слияние и переплетение силы и мощи монополистического капитала с силой крепостничества»⁵⁴.

Ю.А. Буранов, отказавшись от взглядов своего учителя, в книге «Акционирование горнозаводской промышленности Урала, 1861–1917» (М., 1982) убедительно опроверг взгляды историков «нового направления» о существовании и «консервации» на Урале в начале XX в. «крепостнического уклада», о «переплетении» финансового капитала с феодальными устоями горнозаводских округов. Проанализировав состояние и механизмы капиталистической перестройки уральского горнозаводского хозяйства в 1861–1917 гг., особенности капиталистической индустриализации уральской промышленности, основные этапы и сущность акционерного процесса на

Урале, Ю.А. Буранов на большом фактическом материале обстоятельно раскрыл процесс подчинения уральских акционерных обществ финансовым капиталом, вытеснение старых владельцев из уральской горнозаводской промышленности, наглядно продемонстрировал несостоятельность утверждений о «переплетении» финансового капитала и феодальных владельцев, «консервации пережиточных явлений». Вывод Ю.А. Буранова: «Утвердившаяся в литературе точка зрения о тесном переплетении финансового капитала и старых феодальных владельцев не точна, поскольку при почти полной потере старыми владельцами контроля над подавляющим большинством предприятий к 1917 г. переплетаться банковскому капиталу было не с кем».⁵⁵

Историки «нового направления», в т.ч. и И.Ф. Гиндин, считавшийся знатоком нашей финансовой системы, почему-то никак не объяснили, как старые заводовладельцы — «полукрепостники-помещики», контролируя 2% капитала горнозаводских акционерных обществ, могли не только осуществлять контроль над горнозаводской промышленностью, но и диктовать свои условия финансовому капиталу, владеющему 98% этого капитала. Возможно, бывшие заводовладельцы продолжали сохранять «свое старое обличье полукрепостников-помещиков», но они уже не господствовали на Урале, не имели какого-либо заметного влияния на уральские промышленные дела, растворились в массе акционеров, находились, чаще всего, вне Урала, проживая в качестве рантье в столицах или за границей.

Коммерческие банки, установив контроль над горнозаводскими округами и осуществив их «финансовую реорганизацию», усилив акционерный капитал, развернули активную инвестиционную политику, стали вкладывать крупные средства в техническое обновление заводов. Коммерческими банками в годы промышленного подъема 1910–1914 гг. и накануне его было вложено в техническую реконструкцию уральских металлургических и металлообрабатывающих заводов 107,8 млн руб. В 1910 г. Совет министров принял решение о реконструкции наиболее важных казенных заводов. Для переоборудования только одного Пермского пушечного (Мотовилихинского) завода было ассигновано 10,6 млн руб. Крупные капитальные вложения в горнозаводскую промышленность Урала были сделаны в годы Первой мировой войны. Тогда на «переустройство» частных заводов для производства военной продукции коммерческими банками было вложено 70–75 млн руб.⁵⁶

В годы войны капиталовложения на развитие военного производства производились не только коммерческими банками и самими обществами, но и за счет государственного финансирования. Главным артиллерийским управлением были отпущены на создание снарядных заводов в Нижнетагильском округе — 1,9 млн руб., в Ревдинском округе — 1,2 млн руб. и т.д. Только 39 металлургических и металлообрабатывающих заводов Урала, по данным Комитета съездов акционерных коммерческих банков, в годы войны затратили на приобретение оборудования, связанного с военными заказами, 130 млн руб.⁵⁷

Еще никогда в пореформенный период, при господстве заводладельцев-аристократов и предпринимателей — единоличных владельцев горных округов, даже в годы промышленного подъема 90-х гг. XIX в., Урал не знал такого мощного притока инвестиционного капитала в горнозаводскую промышленность региона, какой был осуществлен акционерными обществами, коммерческими банками и государственными структурами в годы промышленного подъема 1910–1914 гг. и в период Первой мировой войны. Приведенные данные полностью опровергают голословные утверждения сторонников «теории многоукладности», что «крепостнический уклад», якобы существовавший на Урале в начале XX в., вплоть до 1917 г., «почти наглухо» закрывал в регион дорогу новым капиталам, что «проникновение инвестиций в окружающую систему» было невозможно, а капиталовложения на реконструкцию уральских заводов в тот период были мизерными. Конкретно-исторические исследования показывают, что на Урале накануне Октябрьской революции 1917 г. не было замкнутого, «законсервированного», закрытого «почти наглухо» от притока капиталов «крепостнического уклада». Утверждения о «крепостническом укладе», якобы существовавшем на Урале вплоть до Октябрьской революции 1917 г., являются мифом, неуклюже сочиненными историками «нового направления» для подтверждения своих схоластических социологических схем.

В начале XX в. Урал переживал не период консервации старых, крепостнических устоев, а получил новый динамизм. В регионе были созданы потенциальные возможности для перевооружения уральской металлургии и всего горного дела на новой, более высокой технико-

технологической базе, для формирования новой модели экономического роста, для вступления Урала в новый, более высокий по своему уровню этап модернизации.

Финансовый капитал, установив свой контроль над уральской горнозаводской промышленностью, предполагал произвести коренную реконструкцию уральской металлургии. Была выдвинута грандиозная историческая задача — перевести уральскую металлургию с древесного топлива на минеральное. XVII съезд уральских горнозаводчиков, состоявшийся 5–7 марта 1912 г. в Петербурге, поставил вопрос о необходимости постепенного перехода уральской металлургии на минеральное топливо. Для этого предполагалось использовать коксующиеся угли Кузбасса, организовать привоз коксующегося кузбасского угля на Урал, осуществить обмен Урала с Кузбассом каменным углем и железной рудой⁵⁸.

Намечалось создание новых мощных доменных комплексов в Алапаевском, Богословском, Верхисетском, Нижнетагильском и др. округах. Инженером Эмерлингом в 1917 г. был разработан проект строительства очень мощного по тем временам металлургического завода-гиганта на Южном Урале, у горы Магнитной, с производительностью в 15 млн пуд чугуна в год (в 1916 г. все уральские доменные заводы выплавляли 46,9 млн пуд чугуна). В осуществление проекта была начата постройка железной дороги Белорецк-Магнитная протяженностью в 145 верст (было построено до революции 15 верст)⁵⁹.

В коммерческих банках и правлениях акционерных обществ, в Совете Съездов уральских горнопромышленников утвердилось мнение о необходимости организации производства по отраслевому принципу, о создании всеуральских рынков руды и угля. Об этом шла речь на нескольких съездах уральских горнозаводчиков. Намечалось дальнейшее «разгораживание» округов, в частности, планировалось объединить Белорецкий и Катав-Ивановский округа, Верхисетский и Сысертский, Кыштымский и Южно-Уральский, слить их в единые хозяйства⁶⁰.

Междуведомственным совещанием 1913 г. был разработан план строительства на Урале расширенной сети железных дорог, проектировалось строительство железных дорог: Уфа—Оренбург, Орск—Бердяш, Усолье—Соликамск—Чердынь—Ухта, а также грандиозной Обь-Урало-Беломорской железной дороги (Архангельск—Ухта—село Троицкопечерское—Надеждинский завод—село Чемашевское на р.Оби) протяженностью в 1520 верст, которая должна была дать Уралу непосредственный прямой выход к Белому морю и к планируемому незамерзающему порту Индига на побережье Баренцева моря⁶¹.

Одновременно был выдвинут грандиозный проект создания Трансуральского водного пути протяженностью в 3375 верст, который должен был соединить Волжско-Камский и Обь-Иртышский бассейны через устройство судоходного канала на водоразделе, в самой низкой части Главного Уральского хребта, у Екатеринбурга. Он должен был пройти по рекам Томи, Оби, Иртышу, Тоболу, Исети, каналу Исеть—Чусовая, и далее — по р. Чусовой с выходом на Каму. Трансуральский водный путь должен был разгрузить чрезвычайно перегруженную Транссибирскую железнодорожную магистраль, обеспечить подвоз дешевым водным путем коксующихся углей и кокса из Кузбасса и Экибастуза на Урал⁶².

Важные качественные сдвиги в структуре и финансово-экономической организации уральской горнозаводской промышленности в конце XIX — начале XX вв., установление финансовым капиталом почти полного контроля над уральской металлургией, техническая реконструкция ведущих металлургических и металлообрабатывающих заводов, при сохранении в регионе мелких, отсталых заводов, концентрация и специализация производства, акционирование и синдицирование горнозаводских хозяйств, крупный приток отечественных и иностранных инвестиций, активное участие зарубежных фирм в техническом переоборудовании уральских заводов, выдвижение грандиозных по тому времени технико-экономических проектов (о переводе уральской металлургии на минеральное топливо, снабжении Урала коксующимися углями и коксом Западной Сибири и Экибастуза, о расширении уральской железнодорожной сети по плану Междуведомственного совещания 1913 г., о сооружении Трансуральского водного пути, о строительстве металлургического завода-гиганта у горы магнитной, новых мощных доменных комплексов в ряде уральских округов) — свидетельствовали, что на Урале формировалась новая модель экономического роста региона, основанная на коренном технико-технологическом перевооружении уральской металлургии и всей уральской горнозаводской промышленности, полной перестройке ее организационно-экономической структуры, включении Урала в систему общемиро-

вых модернизационных процессов. Урал вступал в новый, более высокий по уровню, масштабам и глубине предстоящих преобразований этап модернизации.

Однако недостаток имевшихся финансовых средств, отсутствие в регионе и в стране требовавшихся для реализации выдвинутых проектов больших резервных капиталов, хищническо-эгоистическая финансовая политика коммерческих банков и иностранных инвесторов, неспособность властных структур и заводоладельцев устранить конфронтацию между трудом и капиталом, между рабочими и предпринимателями, все большее обострение в регионе, как и в целом во всей стране, социально-политической ситуации, нарастающее революционное движение, начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война, две революции 1917 г. и Гражданская война помешали приступить к масштабному выполнению намеченных тогда планов и проектов.

Перевод уральской металлургии на минеральное топливо и ее коренная реконструкция были осуществлены в конце 1920–1930-х гг. в период социалистической индустриализации, в ходе выполнения первых пятилетних планов. Подводя итог, следует сказать, что «теория многоукладности», выдвинутая в 1960-х гг. историками «нового направления», не считалась с закономерностями развития общественно-исторического процесса, давно установленными исторической и другими общественными науками; игнорировала факты реальной конкретно-исторической действительности; предпочитала оперировать схоластическими социологическими схемами и отдельными, специально отобранными примерами. Она была создана искусственно, являлась своего рода идеологическим пиаром того времени, не имела единой, четкой научной концепции, определенного, конкретного круга последователей.

Попытки историков «нового направления» и их «теории многоукладности» вывести, включить Урал периода конца XIX — начала XX вв. из общемирового модернизационного процесса, представить его в качестве некоего «законсервированного» «крепостнического уклада» — ненаучны, антиисторичны и не подтверждаются конкретно-историческими фактами, исторической действительностью. Кстати, В.И. Ленин, на которого постоянно ссылались «новонаправленцы», никогда не говорил о существовании на Урале «крепостнического уклада», а писал лишь о сохранении в регионе пережитков, остатков крепостничества, а это далеко не одно и то же.

Урал в конце XIX — начале XX вв. находился в динамичном развитии, происходили энергичные модернизационные преобразования: обновлялась материально-техническая база уральской горнозаводской промышленности, реорганизовывалась ее производственная и финансово-экономическая структура, формировалась новая модель экономического роста, историки «нового направления», их «теория многоукладности» не только не учитывали, но откровенно игнорировали, умышленно не замечали те огромные сдвиги, перемены, которые произошли на Урале в 1890–1917 гг.

Более чем за три десятилетия своего существования, в том числе за полтора десятилетия в советское время и за полтора десятилетия в условиях «перестройки» и рыночных реформ, гласности и свободы научных мнений, «теория многоукладности», неумеренно и неосмотрительно восхваляемая нашими современными историографами, оказалась неспособной дать исторической науке какие-либо реальные результаты, осталась невостребованной современной исторической наукой.

«Теория многоукладности» — рыхлая, фрагментарная, противоречивая, не имеющая единой, четкой, теоретически разработанной и ясно сформулированной научной концепции, не подкрепленная конкретно-историческими исследованиями, которые подтверждали бы ее основные выводы, искусственно созданная диссидентами и диссидентствующими историками, оставила свой заметный след в российской историографии, принесла всеобщую известность и славу (в ряде случаев — не очень завидную) нескольким деятелям «нового направления», но как научная доктрина, как научное направление оказалась бесплодной, несостоятельной и не выдержала испытания временем на достоверность и жизнеспособность.

Примечания

¹ Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39; Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация XIX–XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С. 3–10; Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8–32; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

² Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 246, 256.

- ¹ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о месте «киевого направления» в отечественной историографии // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С.113.
- ² См.: Тарноцкий К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. С.14–46.
- ³ Шацко К.Ф. Выступление в дискуссии // Россия 1917 год: выбор исторического пути («Крутяк стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г.). М., 1989. С.141.
- ⁴ См.: История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1962; История СССР с древнейших времен до наших дней М., 1968. Т.VI; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1967. Т.1. Изд. 2-е. М., 1977. Т.1; Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; и др.
- ⁵ Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. С.9, 235, 256.
- ⁶ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю. Одесса, 1967. Ч.1. С.162.
- ⁷ Адамов В.В. Об оригинальном строе ... С.230.
- ⁸ Прилепа А.И. Инакомыслящий историк В.В. Адамов // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С.70.
- ⁹ Адамов В.В. Февральская революция на Урале // История Урала в период капитализма. М., 1990. Ч.2. С.367, 376. Примечательно, что эти высказывания В.В. Адамова Е.Б. Заболотный, сознательно или по невнимательности, приписал пермскому историку Я.Б. Рабиновичу и автору этой статьи, которые историей Февральской революции 1917 г. никогда не занимались и о ней никогда ничего не писали (См.: Заболотный Е.Б. Российская историография 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995. С.121–122).
- ¹⁰ Адамов В.В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967. С.22, 26, 60.
- ¹¹ Адамов В.В. Социально-экономический и политический кризис в России накануне Первой мировой империалистической войны Свердловск, 1958. С.3, 21.
- ¹² Овчинникова Б.Б., Ольхова Л.В. Владимир Васильевич Адамов — ученый-историк и педагог // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. С.7.
- ¹³ Прилепа А.И. Указ. соч. С.70.
- ¹⁴ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978; Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.–Л., 1965; Ситов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961 и др.
- ¹⁵ Бовыкин В.И. Выступление в дискуссии // Россия 1917 год: выбор исторического пути. С. 252.
- ¹⁶ Адамов В.В. Предисловие // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. С. 8–9.
- ¹⁷ Там же. С.4–13.
- ¹⁸ Быстрых Ф.П., Кривоногов В.Я. За строгую научность и историческую правду // Уральский рабочий. 1973. 4 марта.
- ¹⁹ Уральский рабочий. 1973. 13 мая.
- ²⁰ Прилепа А.И. Указ. соч. С.70.
- ²¹ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Указ. соч. С.115.
- ²² Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 и 1900 гг. СПб., 1892–1903.
- ²³ Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода // Известия общества горных инженеров. СПб., 1897. № 4. С.27–31. № 5. С.40–43.
- ²⁴ Умов А.И., Вериго С.Ю. Постройка и эксплуатация мертвенской фабрики в Лысьвенском заводе графа П.П. Шувалова. СПб., 1901. С.23–39.
- ²⁵ Грум-Гржимайло В.Е. Установка конденсатора Кертинга к реверсивной прокатной машине в 6000 л. с. в Нижнесалдинском заводе на Урале // Горный журнал. 1903. Т.VI. С.139.
- ²⁶ Краткие сведения о Пермских пушечных заводах. Пермь, 1899; Слово о Мотовилихе: Годы. События. Люди. Пермь, 1974; Воткинский завод история развития производства за 240 лет. Ижевск, 1999.
- ²⁷ Ижевск. 1760–1985. Документы и материалы. Ижевск, 1984; Шумилов Е.Ф. Горд на Иже. Ижевск, 1990.
- ²⁸ Производительность казенных и частных горных заводов с 1 января 1913 года по 1 января 1914 года. СПб., 1914. С.4–14.
- ²⁹ Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1991. С.68.
- ³⁰ Там же. С.70.
- ³¹ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С.27, 330, 460.
- ³² Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. С.33, 237.
- ³³ Шефтель А. Тепловое и силовое оборудование Урала // Горный журнал. 1925. № 7. С. 560.
- ³⁴ Асеев Н.П. Производство меди в Кыштымском горном округе // Горный журнал. 1912. Т.1. С.1–2.
- ³⁵ Дмитриев А.В. Рабочие-заготовители топлива для горнозаводской промышленности Урала в 1901–1914 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1988. С.79.
- ³⁶ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. С.65, 104–105, 330, 397.
- ³⁷ Туськова Т.Н. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX — начале XX вв. (По материалам Нижнетагильского округа) // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. С.264; Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Там же. С.255–256.
- ³⁸ Статистика выплавки чугуна, выделен крупнейших сортов железа и стали, выплавки меди, добычи каменного угля и соли на Урале за декабрь месяц 1914 г. Пг., 1915. С.1–4.
- ³⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.487–488.
- ⁴⁰ Рафиков И.К. Численность рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С.33, 38, 39.
- ⁴¹ История Урала в период капитализма. С.115–117.
- ⁴² Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917) М., 1982. С.21–28.
- ⁴³ Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909. С.220–221; Ситов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. С.118–121; Вяткин М.П. Указ. соч. С.192–235; Цукерник А.Л. К истории синдиката «Кровля» // Исторические записки М., 1953. Т.52. С.118–120; Китаннина Т.М. Синдикат «Кровля» в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX — начала XX вв. М.–Л., 1964. С.53–85.
- ⁴⁴ Митинский А.Н. Указ. соч. С.220–221.
- ⁴⁵ Буранов Ю.А. Указ. соч. С.109, 110, 244.
- ⁴⁶ Зин В.С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917. С.27.
- ⁴⁷ Буранов Ю.А. Указ. соч. С.242, 245–247, 251.
- ⁴⁸ Там же. С.245, 252, 254.
- ⁴⁹ Там же. С.254.

- ⁵² Тарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов импервализмической России ... С.33.
- ⁵³ Гиндлин И.Ф. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Сверхлене самодержавия. М., 1970. С.69.
- ⁵⁴ Адамов В.В. Об оригинальном строе ... С.247.
- ⁵⁵ Бураков Ю.А. Указ. соч. С.245.
- ⁵⁶ Там же. С.257; Вяткин М.П. Указ. соч. С.263, 365.
- ⁵⁷ Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 — 1 января 1918 гг. Пг., 1918. С.53; Вяткин М.П. Указ. соч. С.79, 310, 340, 396.
- ⁵⁸ Труды XVII съезда горнопромышленников Урала в 1912 г. в С.-Петербурге. СПб., 1912.
- ⁵⁹ Вяткин М.П. Указ. соч. С.326, 369–371, 396.
- ⁶⁰ Бураков Ю.А. Указ. соч. С.197–198, 218, 239–240, 249–250.
- ⁶¹ Вяткин М.П. Указ. соч. С.247–253.
- ⁶² Труды XVIII съезда горнопромышленников Урала 26–28 марта 1913 г. в С.-Петербурге. СПб., 1913. С.169–171.

*Е.Б. Заболотный (Тюмень),
В.Д. Камынин (Екатеринбург)*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СТРАНИЦАХ СБОРНИКА «УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ» (ВЫП. I–IV)

Историческая наука в России на рубеже XX–XXI вв. переживает очень плодотворный период в своем развитии, основным вектором которого является фундаментальное переосмысление отечественной истории, которое стало следствием кризиса советской исторической науки.

Этот процесс на протяжении последних полутора десятка лет прошел ряд этапов. Первый из них совпал с годами «перестройки», когда основное внимание историков было нацелено на ликвидацию «белых пятен», «фигур умолчания» и «зон, закрытых для мысли» в отечественной истории. На втором этапе, который пришелся на первую половину 1990-х гг., была сделана попытка заменить «единственно правильную» монометодологию, которая лежала в основе советской исторической науки, на другую монометодологию, которая отвечала ценностям западного общества. Во второй половине 1990-х гг. начался третий этап в развитии современной исторической науки, когда она стала развиваться в условиях политического и научного плюрализма.

Четыре выпуска сборника «Урал индустриальный» (1995, 1997, 1999, 2001 гг.) вышли во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в. и являются ценным историографическим источником, отразившим изменения, которые произошли в отечественной исторической науке в этот период. Эти сборники стали результатом проведения научных конференций по инициативе известного уральского ученого А.В. Бакунина. Учитывая его вклад в подготовку первых конференций, совершенно обоснованно выглядит их трансформация в «Бакунинские чтения».

Одной из черт современной исторической науки является интерес к обсуждению методологических и теоретических вопросов исторической науки, которое перестало быть монополией столичных ученых и происходит в различных регионах России. К научным центрам, где активно разрабатываются методологические и теоретические вопросы исторической науки, вполне можно отнести Екатеринбург, в котором сложилось несколько школ в изучении данных аспектов.

Сборники «Урал индустриальный», с нашей точки зрения, хорошо отражают то направление научных исследований, которое разрабатывается в Уральском государственном техническом университете (УГТУ–УПИ). Для него характерно многоконцептуальное осмысление отечественной истории, реализованное в многочисленных учебных и учебно-методических изданиях кафедры истории России УГТУ–УПИ, возглавляемой профессором Б.В. Личманом. Это направление получило признание в общероссийском масштабе и стало рассматриваться как один из возможных выходов из кризиса, в котором находилась историческая наука России до середины 1990-х гг. Историки УГТУ–УПИ выступили с инициативой обсуждения на своих периодических научных конференциях, в том числе и основных подходов к истории, которые применяются в современной исторической науке.

Анализ материалов опубликованных в четырех сборниках показывает, что конференции проходят в условиях настоящего методологического плюрализма. Авторы попытались возродить старые концептуальные подходы к истории, отвергнутые по каким-то мотивам, и предложить новые интерпретации отечественной истории, получившие распространение в России в 1990-е гг.

Ведущим на страницах сборников «Урал индустриальный» оказался цивилизационный подход к истории России. Он получил обоснование в статьях А.В. Бакунина, Л.Б. Вожевой, М.В. Бьюкова. А.В. Бакунин выступил с критикой формационного подхода к истории уральской промышленности, считая, что его применение в советский период развития отечественной исто-